

Они сражались за Родину!

Владимир Першанин

РУССКИЙ ГИГАНТ КВ-1

Легенда 41-го года

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П26

Художник *Иван Хивренко*

Першанин, Владимир Николаевич.
П26 Русский гигант КВ-1. Легенда 41-го года / Владимир Першанин. — Москва : Эксмо : Яуза, 2018. — 320 с. — (Война. Штрафбат. Они сражались за Родину!).

ISBN 978-5-04-097470-2

Их было не так и много, этих мощных тяжелых танков, всего две-три сотни машин на весь огромный фронт. Но они сумели стать настоящей легендой.

Лейтенант Ерофеев сражался на КВ-1 весь 1941 год, прикрывая отход наших войск, защищая переправы и железные дороги. Несмотря на огромное численное преимущество противника, он сумел победить и выжить, буквально перемалывая немецкую бронетехнику, уничтожая порой в одном бою по пять и более вражеских танков. В жарких кровопролитных сражениях первого года Великой войны наши танкисты сорвали планы молниеносного наступления вермахта и дали надежду на Победу Красной армии.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-097470-2

© Першанин В.Н., 2018
© ООО «Издательство «Яуза», 2018
© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1

ПРИКРЫТЬ БРИГАДУ

Дорога быстро пустела. Наступившая тишина становилась все более напряженной на фоне непрекращающейся дальней канонады. Бойцы из отступающих частей, осознавая невидимую пока опасность (приближалась вражеская моторизированная колонна), сдвинулись на опушку леса.

Шагали торопливо, изредка тревожно переговариваясь и оглядываясь назад. Беженцы рассеивались по окрестностям. Выбившиеся из сил женщины с детьми брели среди редкого дубняка.

Отходящие воинские части искали малонаезженные, защищенные деревьями проселки. Широкой, покрытой гравием дороги сторонились, уступая ее пока невидимому, но приближающемуся врагу.

Осторожность (а может, страх) имела на то причины. Дорога была под контролем немецкой авиации. Самолеты с крестами и свастикой небольшими группами падали сверху, когда видели

появляющуюся цель, и тогда тишина прерывалась грохотом авиабомб и треском пулеметов.

Выполнив свою задачу и перекрыв очередной раз движение красноармейских частей, самолеты улетали. По обочинам горели не успевшие скрыться в лесу автомашины. Рядом лежали тела погибших. Бойцы на самодельных носилках или кусках брезента торопливо уносили раненых.

Поодаль чадили угодившие под бомбежку танки и броневики механизированного батальона, попавшие под удар немецкой авиации еще на рассвете.

Два новых скоростных танка БТ-7, не уступающие в бою немецким «панцерам», сгорели до основания. Сдетонировавший боезапас 45-миллиметровых снарядов сорвал с одного из них башню, а другую машину раскидал по частям.

Давно устаревший БТ-2 опрокинуло близким взрывом и смяло цилиндрическую башню, в которой вряд ли кто уцелел. Пикирующим самолетам необязательно было попадать «сотками» или 50-килограммовыми бомбами точно в цель.

Осколки пробивали броню на расстоянии, разрывали гусеницы, дырявили моторную часть. Зрелище было тягостное. Только в одном месте стояли подбитые и сгоревшие семь-восемь машин, почти целая рота.

Советской авиации в воздухе не было. Немецким самолетам никто не мешал выполнять свою работу, и они выбивали нашу технику как в тире, снижаясь едва не до верхушек телеграфных столбов.

Лейтенант Федор Ерофеев, командир тяжелого танка КВ-1 («Климент Ворошилов»), высунувшись по грудь из башенного люка, всматривался в окрестности. Экипаж, уставший от напряженного ожидания, маялся и курил бесчисленные самокрутки.

Танковая рота, состоявшая из девяти машин, прикрывала отступление бригады, вернее, ее остатков, уцелевших после ожесточенных июльских боев сорок первого года. Рота именовалась тяжелой, а в некоторых штабных документах даже особой.

Костяк ее составляли три новых тяжелых танка КВ-1, поступившие на вооружение корпуса за считанные недели перед войной. Таких танков в армии еще не было. Они считались самыми мощными, практически неуязвимыми машинами с броней 75 миллиметров, трехдюймовыми орудиями и тремя пулеметами.

На фоне этих громадин массой 47 тонн немецкие танки выглядели куда слабее. Первые же бои наглядно показали преимущества «Клима Ворошилова». Впрочем, выявились и серьезные недостатки в ходовой части.

Из-за неполадок в коробке передач один КВ застрял по пути. Остались в строю всего два тяжелых танка и шесть легких БТ-7 с 45-миллиметровыми пушками. Так что роту заслона можно было назвать тяжелой лишь с большой натяжкой. Но экипажи верили в свои машины, надеялись, что подойдет отставший КВ-1, и настрой роты был боевой.

Тем более руководил ею опытный командир, капитан Серов, ветеран Гражданской войны в Испании и прошедший недавнюю Финскую войну.

— Федор! — послышался в радиии голос ротного. — Как обстановка?

Это была проверка связи со своей второй тяжелой машиной, на которую Серов в основном рассчитывал в предстоящем бою. Легкие БТ вряд ли продержатся долго, но, по крайней мере, они хотя бы прикрывали фланги.

Обстановку капитан хорошо знал и сам. Через полчаса, максимум через час появятся немецкие танки. Возможно, обочины прочешут еще раз «Юнкерсы» или легкие бомбардировщики «Хеншели», а затем начнется бой.

— Пока тихо, — ответил Ерофеев. — Ждем не дождемся. Накурились, аж во рту горько.

— Если мотоциклы появятся, пропусти их.

— Ясно.

Капитан Серов тоже нервничал, и насчет мотоциклов немецкой разведки давно обсудили вопрос. Пусть проезжают, если не заметят танки. И легкие бронетранспортеры тоже не трогать. По возможности, нанести удар с близкого расстояния по штурмовому танковому клину, которые понаделали бед, с ходу врезаясь и сминая измотанные боями красноармейские части.

Но события развивались не совсем так, как ожидали.

Вдалеке показалась группа красноармейцев, которые шли быстрым шагом, почти бежали. Две повозки были заполнены ранеными. Еще несколько бойцов, перевязанных серыми от пыли бинтами, цеплялись за края повозок. Остальные красноармейцы, измотанные долгой дорогой, шагали с заметным усилием. Лишь бы не отстать от своих!

Послышался вой одного и другого снарядов. Судя по калибру, вел огонь немецкий танк. Федя Ерофеев, двадцатидвухлетний лейтенант, увидел в бинокль, как упал лицом вниз один из красноармейцев. Пытались ли ему помочь, было непонятно, все застилала пыль. Взрывы разметали людей и щебень. С запозданием (летающий снаряд опережал скорость звука) слышались хлопки немецких танковых пушек.

Еще несколько снарядов, выпущенных один за другим, разнесли повозку, набитую ранеными. В разные стороны разлеталось что-то вязкое, зеленое с красным. На середину дороги шлепнулась оторванная нога с обрывком обмотки.

Лейтенанту Ерофееву, закончившему год назад танковое училище, предстояла впереди долгая и безжалостная война. Но расправу с отставшей красноармейской ротой он запомнил навсегда.

У второй повозки отлетели задние колеса, посыпались в пыль люди. Лошадь, ошалев от грохота и криков, понеслась к обочине и вломилась в кустарник вместе с передком повозки.

Трассирующие пули оранжевыми светлячками проносились сквозь облако пыли, тела бегущих, ковыляющих людей, которые падали один за другим. Снова пытались подняться и ворочались, загрывая окровавленный щебень.

Несколько красноармейцев во главе со своим командиром прекратили безнадежное бегство от смерти и залегли в кювете. Длинными очередями ударил «максим», торопливо хлопали винтовки. Неизвестный командир не рассчитывал остановить надвигающийся гул танковых моторов.

Это можно было назвать отчаянием или самопожертвованием. Те, кто мог и обладал достаточной смелостью, вели огонь, давая возможность спастись, уйти в глубину леса раненым. Взорвались несколько ручных гранат, которые не смогли бы остановить даже легкие немецкие танки.

Ответный фугасный снаряд разнес «максим». Среди подброшенного фонтана земли и щебенки мелькнул ствол с разорванным кожухом, обрывок брезентовой ленты, тело пулеметчика. Возле дымившейся воронки лежал еще один боец из расчета. Он слабо шевелился, а когда отполз на несколько шагов, Ерофеев увидел оторванную по локоть руку.

Его товарищ подхватил тяжело раненного под мышки, но бойцы успели сделать лишь несколько шагов. Пулеметная очередь простегнула обоих и повалила друг на друга.

Уцелевшие красноармейцы бежали сквозь придорожный кустарник — слабая защита от непрерывного огня в спину. Пули догоняли их, сбивали с ног, взлетали скошенные кусты. В траве ворочался и звал на помощь кто-то из тяжелораненых.

На секунды Федор перехватил затравленный взгляд пехотного лейтенанта. Фуражка с него слетела, лицо было в крови. Он медленно отступал, держа в вытянутой руке «наган».

— Чего не бежишь? — крикнул заряжающий Савушкин. — Пропадешь не за грош.

— Гордый, — с непонятым выражением обронил наводчик Степан Лукьянов. — Беги, дурья башка!

Он был старше лейтенанта, возможно, имел брата такого же возраста. В пехотного командира стреляли, но пули не догнали его, а через минуты экипаж КВ увидел цель.

На скорости километров тридцать из облака пыли вынырнул немецкий танк Т-4. Массивный, с плоской башней и короткоствольной, но достаточно мощной 75-миллиметровой пушкой.

Цель! Вот она, цель, которую так напряженно ждали. Но рота заслона огонь не открывала, ждали команды капитана Серова и того момента, когда бронетанковый кулак окажется под прицелом всех восьми пушек роты. Лишь бы кого-нибудь не подвели нервы!

Немецкие машины шли без мотоциклетной разведки, которую наши танкисты привыкли ви-

деть в первые недели войны. Возможно, массивные «Цундаппы» с пулеметами в колясках прочесывали другие направления.

Этим штурмовым танковым группам, хорошо вооруженным, имевшим в достатке боеприпасов, прибавляли самоуверенности успехи внезапного нападения. Огромная дикая страна и правда оказывалась «колоссом на глиняных ногах». В небе и на земле горели ее допотопные самолеты. Отступая и теряя технику, несла огромные потери миллионная Красная Армия, а по обочинам дорог тянулись бесконечные вереницы пленных.

Роль разведки в голове колонны выполняли несколько танков Т-3 и Т-4 и два бронетранспортера «Бюссинг». Приотстав на пару сотен метров, шла вторая группа «панцеров». Ее возглавляли те же ударные, с толстой лобовой броней массивные Т-4 и приземистые штурмовые орудия («штурмгешютце»), с утопленными в корпус рубками и короткими пушками калибра 75 миллиметров.

Подпускать слишком близко немецкие машины Серов не рисковал. Несмотря на восторженные отклики некоторых командиров в отношении новых, обладающих едва ли не сказочной мощностью танков «Клим Ворошилов», капитан в период Финской войны неплохо изучил их достоинства и недостатки.

И позже, во время учений (к сожалению, немногочисленных), Василий Николаевич четко освоил возможности своих действительно мощных, но

уязвимых при неумелом обращении машин. Надежная путиловская броня и достаточно мощные пушки требовали более надежных двигателей, а это было слабое место КВ-1.

Наводчик командирской машины, старшина Петр Бережной, вел на прицеле головной Т-4, ожидая команды капитана. Командир прав: подпускать врага слишком близко довольно опасно. В роте всего два тяжелых КВ, а БТ-7 с их «сорокапятками» эффективно поражают немецкие танки метров за двести.

Однако командир головной немецкой группы (слишком глазастый «ганс» — прозвище «фрицы» еще не вошло в обиход) разглядел один из тяжелых русских танков. Обер-лейтенант видел эти машины на плакатах, знал технические данные, но громада, замаскированная в подлеске, его поразила.

«Клим Ворошилов» по габаритам значительно превосходил их Т-4, который считался самым сильным танком в Европе, в корпусе русского КВ угадывалась броня в семь с половиной сантиметров, которую многие немецкие танкисты считали преувеличением.

Надо отдать должное, обер-лейтенант действовал энергично. Однако, спеша опередить врага, он не выбирал место для прицеливания. Считал, что с трехсот пятидесяти метров бронебойная болванка, летящая со скоростью семисот метров в секунду, пробьет броню «Ворошилова».

Удар пришелся в маску орудия. Сноп искр брызнул в разные стороны, а снаряд с воем отрикошетил от полукруглого броневых выступа. Так получилось, что в этом бою первый снаряд достался машине Федора Ерофеева.

Наводчика Степана Лукьянова отбросило от прицела, но он удержался на своем месте, хотя от сильного удара все расплывалось перед глазами. Ответный снаряд, выпущенный им, прошел на метр выше башни головного Т-4. Заряжающий Костя Савушкин с лязгом загнал в казенник новый снаряд.

— Готово!

Но не был готов к выстрелу сержант Лукьянов, которого крепко трянуло ударом немецкой болванки.

— Костя, не мешай, — мостился за прицелом лейтенант Ерофеев.

Их опередил выстрел командирского танка. Василий Серов вложил снаряд в плоскую броневую плиту в головной части Т-4. В тот период у Германии вполне хватало вольфрама, чтобы изготавливать качественную броню. Однако трехдюймовый снаряд пробил ее насквозь. Смял тело механика и прошел рядом с обер-лейтенантом, врезавшись в одну из гильз фугасного снаряда. Их стояло в гнездах с десятком. В пробитой гильзе вспыхнул артиллерийский порох, раскаляя соседние заряды. В любую секунду могли сдетонировать осколочно-фугасные головки.

Обер-лейтенант среагировал мгновенно. Горящий порох прожег комбинезон. А когда офицер

метнулся к боковому башенному люку, огонь опалил ботинки и ноги, грозя сжечь завоевателя России живьем вместе с его добротным обмундированием. Он успел выскочить наружу, следом выпрыгнул еще один танкист.

Внутри «панцера» клубился огонь, сжигая тех, кто еще был жив. Сквозь гул спрессованного пламени прорвался чей-то отчаянный крик. Затем начали детонировать снаряды, вышибая люки и выбрасывая в стороны скрученные языки пламени.

Штурмовое орудие, приземистое, с утопленной в броню рубкой, тоже успело выстрелить на ходу, хотя его экипаж толком не видел цели. Зато разглядел, как горит и разваливается тяжелый танк Т-4.

Спешка и суета не приносят пользы. Лейтенант Ерофеев хорошо это понял, увидев гибель отступавшей пехотной роты и обоза с ранеными. Поэтому он не спешил, рисковал, но прицелился как надо, хотя каждую секунду ожидал удара. Ствол немецкой самоходки уже развернулся в сторону KV-1. Немецкий артиллерист опоздал на секунды.

Снаряд трехдюймового орудия KV пробил броню рубки рядом с короткой 75-миллиметровкой. Вывернул ствол и раскаленным светящимся шаром пронесся через рубку, разрывая тела самоходчиков, кромсая приборы и воспламеняя все, что могло гореть.

Боезапас «штурмгешютце» (чаще эти машины называли «штуга») сгорал и с грохотом взрывался